

Религиоведение. 2020. № 4. С. 5–27.
Religiovedenie [Study of Religion]. 2020. No. 4. P. 5–27.

DOI: 10.22250/2072-8662.2020.4.5-27

Забияко А.П.

Амурский государственный университет
675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21, стр. 7, каб. 107
sciencia@yandex.ru

История / History of
Религии / Religion

Генезис религии: возникновение зоолатрии по материалам мобильного искусства Восточной Европы и Сибири

Аннотация. Восточная Европа и Сибирь являются территориями раннего расселения разных групп человечества. На Русской равнине первые стоянки людей современного анатомического типа датированы временем около 40 тыс. л.н. В Сибири группы *Homo erectus* появляются в эпоху нижнего палеолита. Позднее здесь расселились денисовцы, неандертальцы и люди современного анатомического типа (кроманьонцы). Кроманьонцы проникают в Сибирь около 45 тыс. л.н. Локальные группы популяций *Homo* создали развитые культуры, включавшие широкий набор признаков поведенческой современности. Для локальных групп кроманьонцев достоверно установлено появление зооморфных скульптур в период около 34 кал. тыс. л.н., в начальный период верхнего палеолита. К концу ориньяка – началу граветта зооморфные образцы мобильного искусства становятся типичным явлением. Археологический контекст расположения артефактов и особенности их внешнего вида в ряде случаев свидетельствуют, что зооморфные изделия выступали атрибутами зоолатрии. Открытие скульптуры «льва» в Денисовой пещере допускает, что зоолатрия была свойственна денисовцам. С возрастом не моложе 45 тыс. л.н. фигурка льва из Денисовой пещеры является древнейшим из ныне известных чётко документированных зооморфных образцов палеолитической скульптуры. Наличие зоолатрии в территориально и антропологически разных культурах указывает, что она закономерно формируется на стадии достижения определённого уровня развития человеческих популяций и является естественным результатом антропо- и культурогенеза. Зоолатрия – универсальное явление. Наряду с общими признаками, ей присущи локальные особенности. В разных локальных группах зоолатрия имеет специфические признаки, обусловленные природными факторами, стратегиями адаптации и особенностями воображения. В локальных культурах зоолатрия соединялась в разных сочетаниях с погребальной обрядностью, промысловой магией, гендерными культурами и другими формами религии. В результате возникали локально специфические конфигурации форм религии, в которых своеобразно сопрягались зоолатрия, магия, погребальные практики и другие формы религии. Т.о., в разных локальных культурах морфология религии имела разную конфигурацию. Исследование зоолатрии локальных групп «базисной евразийской» популяции демонстрирует вариативность морфологии (внутреннего строения) религии даже в культурно родственных и хронологически близких сообществах.

Ключевые слова: мобильное искусство, скульптура, Сибирь, Восточная Европа, верхний палеолит, религия, зоолатрия, символизм, морфология религии

Andrey P. Zabiako

Amur State University
of. 107, build 7, 21 Ignatievskoe Shosse, Blagoveschensk, Russia, 675027
sciencia@yandex.ru

Genesis of Religion: The Origin of Zoolatry According to the Portable Art of Eastern Europe and Siberia

Abstract. Eastern Europe and Siberia are the territories of early settlement of different groups of mankind. On the Russian Plain, the first sites of Modern Humans are dated to about 40 ka BP. In Siberia, the *Homo erectus* groups appear in the Lower Paleolithic. Later, Denisovans, Neanderthals and Modern Humans (*Cro-Magnons*) settled here. Modern Humans penetrate Siberia about 45 ka BP. Local groups of *Homo* populations have created developed cultures that include a wide range of features of behavioral modernity. For local groups of Modern Humans, the appearance of zoomorphic sculptures in the period of about 34 ka BP, in the initial period of the Upper Paleolithic. During the period of the final of Aurignac and the beginning of Gravette,

zoomorphic examples of mobile art became a typical phenomenon. The archaeological context of the location of artefacts and the peculiarities of their appearance in a number of cases indicate that zoomorphic objects were attributes of zoolatry. The discovery of the «lion» sculpture in Denisova Cave suggests that zoolatry existed in the culture of the Denisovans. With an age of at least 45 ka BP, the lion figure from Denisova cave is the oldest zoomorphic sculpture. The presence of zoolatry in geographically and anthropologically different cultures indicates that it is naturally formed at the stage of reaching a certain level of development of human populations and is a regular result of anthropo- and cultural genesis. Zoolatry is a universal phenomenon. Along with the general features, local features are inherent in it. In different local groups, zoolatry has specific features due to natural factors, different adaptation strategies and mental differences (different models of imagination). In different cultures, zoolatry was combined in specific combinations with funeral rituals, hunting magic, gender cults and other forms of religion. In different local cultures, there were specific configurations of forms of religion, in which zoolatry, hunting magic, funeral practices and other forms of religion were combined in a peculiar way. Thus, in different local cultures, the morphology of religion had a different configuration. The study of zoolatry of local groups of the «basal Eurasian» lineage demonstrates the variability of the morphology (internal structure) of religion, even in culturally related and chronologically close communities.

Key words: portable art, sculpture, Siberia, Eastern Europe, Upper Paleolithic, religion, zoolatry, symbolism, morphology of religion

Введение

Содержание статьи на материалах Восточной Европы и Сибири расширяет географические границы, дополняет археологические и антропологические данные возникновения зоолатрии, представленные в статье, где аналогичный процесс рассматривался в границах Западной и Центральной Европы [Забияко, 2020]. Целью статьи является обобщение и систематизация современных научных сведений о древнейших зооморфных образцах мобильного искусства Восточной Европы и Сибири, фиксация новейших датировок и локализаций артефактов, выявление их связи с популяциями Ното, а также интерпретация зооморфных артефактов в качестве религиозных объектов. Основной посыл статьи ориентирован на развитие представлений о генезисе религии и морфогенезе её ранних форм [Забияко, 2018].

Природная среда, антропологический и культурно-исторический контекст генезиса зоолатрии

Под территорией Восточной Европы в нашем исследовании подразумевается сугубо географическое пространство – пространство Восточно-Европейской (Русской) равнины. В позднем плейстоцене здесь было холоднее, чем в Западной и Центральной Европе в силу близости Скандинавского ледового щита и других факторов, однако покровное оледенение охватывало лишь северо-западный участок региона, образуя в период ок. 80–12 тыс. л.н. валдайское оледенение (Валдайская возвышенность, верховья Волги). Пик нижних температур приходился в период валдайского оледенения на время ок. 26–19 тыс. л.н. В среднегодовая температура 21 тыс. л.н. была ниже на 6–9° современной, количество осадков сократилось в среднем на 40–50 %, граница вечной мерзлоты проходила в районе 48–52° с.ш. [Морозова, 2014]. В пределах валдайского оледенения существовали колебания климата в сторону потепления. В эти периоды климат становился более тёплым и влажным. Так, в конце брянского межстадиала (ок. 34–27 тыс. л.н.) существовал климатический оптимум, который характеризовался отступлением ледников, повышением температуры и влажности. Состояние климата и его колебания определяли ландшафты, флору и фауну Русской равнины. В эпоху валдайского оледенения господствовали тундрово-степные ландшафты с участками редколесий, лесотундр. Когда наступали циклы межледниковых потеплений, зоны лесов расширялись и продвигались на север. Изучение пыльцы растений в древних озёрах показывает, что среди древесной растительности преобладали сосны и берёзы. Состав животного мира определяла «мамонтова фауна», с которой соседствовали виды арктических животных – песцы, северные олени, лемминги и другие [Серебрянный, 1967].

На Русской равнине первые следы пребывания человека оставлены людьми современного анатомического типа на Среднем Дону. Самые ранние даты костёнокско-борщёвского комплекса палеолитических стоянок, полученные из горизонта, расположенного ниже «горизонта в вулканическом пепле», относятся ко времени 42–36 тыс. л.н. (44–40 кал. тыс. л.н.) и соотносятся со спицынской культурой [Синицын,

2016, 322]. Существование этой культурной традиции «начального верхнего палеолита» было подорвано природной катастрофой, вызванной извержением вулкана на юге Италии около 39 372 л.н. Следующий этап – ранний верхний палеолит, ориньяк, датирован в границах 36–32 тыс. л.н. (39,5–37 кал. тыс. л.н.) [Синицын, 2016, 322]. Он связан, согласно данным палеогенетиков по материалам погребения Костенки 14 (Маркина Гора), с группами, имеющими много общего с популяциями «верхнепалеолитических западных евразийцев» и популяциями «базисной евразийской» родословной, которые располагались вплоть до Сибири и отличались от азиатских популяций сапиенсов. Индивид Костенки 14 включал в свой генофонд $2,4 \pm 0,4\%$ неандертальских генов, которые могли быть в ходе миграции получены его предками около 54 тыс. л.н. от ближневосточных неандертальцев. Но он – несомненно сапиенс, один из первых представителей кроманьонского населения Европы. Позднее родственные населению Костенок 14 группы внесли большой вклад в формирование европейских мезолитических охотников-собирателей, неолитических земледельцев и современных европейских общностей – в особенности севера и востока Европы [Seguin-Orlando, 2014]. Т.о., костенковское население раннего верхнего палеолита, представленное человеком из Костенки 14, родственно другим группам древнейших кроманьонцев и принадлежит к популяции, ставшей предковой для большей части позднейших европейских общностей.

В эпоху граветта (ок. 30–21 тыс. л.н.) это родство отчётливо проявило себя в общности многих сторон развития материальных и духовных традиций локальных археологических культур, простиравшихся от Дона до Моравии и дальше до Виллендорфа. Эта общность фиксируется границами восточного граветта, контурами костёнковско-виллендорфской культуры [Grigor'ev, 1993].

Территориально и по ряду культурных признаков костёнковско-борщёвскому комплексу близка стоянка Сунгирь. Последние датировки костных останков из сунгирьских погребений фиксируют возраст в диапазоне $30,1 \pm 0,3$ тыс. л.н. (34,1–35,2 кал. тыс. л.н.) [Marom, 2012, 6880]. С учётом дат по двойному захоронению и других археологических данных допускается с вероятностью 95%, что Сунгирь была заселена в интервале от 38,9–33,59 кал. л.н. до 34,5–32,63 кал. л.н. [Nalawade-Chavan, 2014].

Обращая внимание на сходство, следует учитывать существенные различия ранних верхнепалеолитических культурных традиций региона – присутствие мутьерских элементов, варибельность индустрий, сочетание «развитых», «симбиотических», «архаических», «переходных» характеристик археологических культур [Аникович, 2007; Синицын, 2016]. Эти различия, очевидно, в немалой мере обусловлены антропологическими различиями носителей разных культурных традиций, миграциями, метисациями групп. Так, «особенности телосложения человека из Костенок 14 прямо противоположны особенностям человека из Сунгирия»; «...в костенковских находках отразилась вся сложность и многогранность проблем дифференциации и генетических взаимоотношений различных территориальных, культурных и хронологических вариантов верхнепалеолитического человечества» [Герасимова, 2010, 34, 31].

На северо-востоке Русской равнины древнейшие стоянки достигали р. Чусовая (стоянка Заозерье – ок. 34 тыс. л.н.), р. Печоры (стоянки Бызовая, Медвежья пещера, ок. 30 тыс. л.н.), Арктики (стоянка Мамонтова Курья, ок. 38 тыс. л.н.).

Плейстоцен Сибири не был, как и в других регионах Евразии, периодом стабильно низких температур. В поздний период плейстоцена сформировалось зырянское оледенение (около 90–55 тыс. л.н.), сосуществовавшее с валдайским. Покровное оледенение территории было незначительным и лишь на севере в отдельных регионах существовали полупокровное (Якутия), горно-долинное (Прибайкалье) и другие виды оледенения. Большая часть Сибири представляла собой арктическую и горную тундру, лесотундру, в тёплое время года поросшую травой, кустарником и редкими деревьями. На юге местами располагались участки северной тайги. За зырянским оледенением следовал период каргинского межстадиала (55–23 (25) тыс. л.н.), когда климат, несмотря на его колебания внутри этого периода, стал значительно мягче. Арктическую тундру потеснили на север ерниковая тундра, травяная

тундра, северная тайга [Васильчук, 2012; Лаухин, 2012]. Во многих местах большие пространства были покрыты густой травой и зарослями кустарников, здесь тысячами существовали ландшафты саванного типа. Общая масса растительности была достаточно большой и разнообразной, что позволяло обеспечивать растительной пищей богатый животный мир. На некоторых территориях в ситуациях потепления климат был близок к современному, иногда даже теплее. Так, на Алтае, на реке Ануй около 26 тыс. л.н. существовали такие теплолюбивые растения, как дуб, вяз, клён и другие [Деревянко, 1993]. Наступившее следом сарганское оледенение (около 23–12 тыс. л.н.) сформировало более сухой, холодный климат, способствовавший распространению тундр и лесотундр. По мере потепления ко времени 12–10 тыс. л.н. покровные ледники и вечная мерзлота отступали на север, долинские ледники таяли, снеговая линия в горах поднималась всё выше. В новых условиях начала голоцена изменилась растительность Сибири. Зоны кустарниковой, травяной тундры и лесотундры распространились дальше на север на 200 и более километров, существенно продвинулась на север зона хвойных и лиственных лесов.

В ледниковый период в Сибири обитали мамонты, шерстистые носороги, первобытные бизоны, овцебыки, лошади, гигантские (большеюгие) олени, сайгаки, пещерные медведи и львы, волки, гиены, песцы, зайцы и другие крупные и мелкие животные, птицы, рыбы. В период потепления и формирования современных ландшафтно-климатических условий животный мир Сибири изменился. Большая часть крупных животных (мегафауны, мамонтовой фауны) исчезла, другая часть животного мира адаптировалась к новым условиям, появились новые виды животных.

В Сибири обитали разные представители *Homo* – *Homo erectus*, *Homo neanderthalensis*, *Homo altaiensis*, *Homo sapiens*. Климатические условия, богатый растительный и животный мир благоприятствовали обитанию человека на многих территориях, в особенности на Алтае, в Южной Сибири [Деревянко, 2003].

Первые признаки появления в Сибири людей относятся к эпохе нижнего палеолита. Временем не менее 800–550 тыс. л.н. датируются артефакты галечной индустрии (нуклеусы, скрёбла на уплощённых гальках, чопперы, др.) нижнего палеолита стоянки Карама (Алтай, долина реки Ануй). Карама – древнейшая стоянка человека в Северной Азии, она основана людьми, которые принадлежали к *Homo erectus* и пришли сюда, очевидно, из Монголии. В поздний период существования этой группы в условиях очередного похолодания люди, по-видимому, ушли из Сибири в более южные районы [Деревянко, 2005; Деревянко, 2017, 31–64].

Новый этап заселения Сибири древними популяциями *Homo* начинается ок. 300 тыс. л.н. Ко времени около 300–280 тыс. л.н. относятся древнейшие следы пребывания человека в Денисовой пещере (Алтай). Археологические находки в Денисовой пещере, где выявлено 14 культурных слоёв, свидетельствуют о непрерывности пребывания и развития людей, их культуры на этой территории вплоть до эпохи верхнего палеолита, до 20 тыс. л.н. [Jacobs, 2019]. Секвенирование в 2009 г. генома древнего обитателя открыло новый вид – денисовского человека (*Homo denisovensis*, *Homo altaensis*). Начало развития денисовцев как отдельного таксона относится ко времени около 700 тыс. л.н. и связано с ранними миграциями из Африки через Ближний Восток в Сибирь [Krause, 2010; Reich, 2010]. К настоящему времени в пещере обнаружены фрагменты костных останков четырёх денисовцев, двух неандертальцев и дочери денисовца и неандерталки. Датировки останков денисовцев по расчётам палеогенетиков укладываются в интервал 54 200–99 400 л.н., ранних алтайских неандертальцев, обнаруженных в пещере, – около 123 тыс. л.н. [Jacobs, 2019; Slon, 2018]. Денисовская девочка, из фаланги пальца которой впервые был получен геном популяции, жила в пещере между 74–82 тыс. л.н. [Meuer, 2012].

Неандертальцы обитали в Денисовской пещере, в Чарыгской пещере и ряде других мест Южной Сибири вплоть до времени ок. 50–45 тыс. л.н. Так, костные останки неандерталки были обнаружены в Денисовой пещере в 11 слое, который датирован временем около 50 тыс. л.н. Сибирские неандертальцы не представляли собой тесно связанной длительной общей историей популяции. Скорее всего, это были группы, мигрировавшие в Южную Сибирь из разных мест в разное время. Одна из групп пришла с запада в период 120–80 тыс. л.н. Принадлежащая этой группе мать-

неандерталка девочки, рождённой от отца-денисовца, была генетически ближе неандертальцам из пещеры Виндия (Хорватия), чем «алтайской» неандерталке, проживавшей здесь же ранее (Денисова 5). Та же самая особенность присуща её «родственнице» – неандерталке из Чагырской пещеры (Чагырская 8). Общая численность популяции была невелика, а отдельные коллективы достаточно малы – локальные группы в среднем насчитывали менее 60 индивидов; группы вели довольно изолированный образ жизни, что часто приводило к кровосмесительным связям [Jacobs, 2019; Mafessoni, 2020].

Наиболее ранним представителем *Homo sapiens* (*Homo sapiens sapiens*) в Сибири является усть-ишимский человек. Костные останки (бедренная кость), принадлежавшие человеку, названному усть-ишимским, были обнаружены в 2008 г. на р. Иртыш. Радиоуглеродным датированием установлен возраст находки – около 45 тыс. л.н. [Fu, 2014]. Эта дата – древнейшая из датировок присутствия популяций людей современного анатомического типа за пределами Африки и Ближнего Востока.

В Восточной Сибири человек появляется в эпоху нижнего и среднего палеолита. В период верхнего палеолита эта территория была уже хорошо освоена древними людьми [Лбова, 2005; Ташак, 2011]. В Забайкалье достаточно хорошо изучены несколько стоянок средней и начальной стадии верхнего палеолита (Барун Алан, Хэнгэр-Тын Скальная на горе Хэнгэрэктэ, местонахождение Хотык, другие). Некоторые из них датированы временем около 40–38 тыс. л. н. Примечательно, что кроме каменных орудий на местонахождении Хотык найдены предметы неутилитарного назначения. Уникальна трубчатая кость с отверстием, которая является фрагментом флейты; эту флейту «можно считать древнейшим музыкальным инструментом, обнаруженным на территории Сибири» [Лбова, 2010, 127]. Флейта датирована временем от 28 до 38 тыс. л.н. В период около 36–32 тыс. л.н. на стоянках горы Хэнгэрэктэ появляются носители археологической традиции, в обработке камня которой доминировало создание бифасиально оббитых орудий [Ташак, 2011, 134]. Эта археологическая культура относится к начальной фазе верхнего палеолита. По мнению А.П. Деревянко, несомненно, «что в хронологическом интервале 43–35 тыс. л.н. в Забайкалье распространялась верхнепалеолитическая культура» [Деревянко, 2011, 46].

Т.о., в эпоху позднего среднего палеолита – начала верхнего палеолита (около 100 тыс. л.н. – 40 тыс. л.н.) Сибирь была населена разными популяциями *Homo*, оставившими на огромной территории многочисленные следы жизнедеятельности [Кузьмин, 2011]. Эти популяции, как показывают палеогенетические исследования и археологические данные, не только сосуществовали на близлежащих территориях, но и пересекались в местах обитания и в некоторых случаях создавали общее потомство, гибридизировались. Обитавшие на северо-востоке Евразии популяции *Homo* достигли в период верхнего палеолита высокого уровня развития культуры. Люди создали здесь не только сложные для своего времени орудия труда и технологии обработки камня, кости, но и замечательные образцы духовной культуры.

Древнейшие зооморфные образцы мобильного искусства Русской равнины

На Русской равнине в коллекции артефактов спицынской (костенковско-спицынской) культуры представлены украшения в составе 37 подвесок из клыков и резцов песка, подвесок из белемнитов (окаменевших раковин моллюсков), кораллов и известковых трубок червей. В нижнем культурном слое стоянки Костенки 14 (Маркина гора) среди других неутилитарных изделий с датировкой ок. 37–36 тыс. л. н. (~42,3–41,4 кал. тыс. л. н.) обнаружены подвески из метаподия (пястья) песка, орнаментированный стержень из бивня мамонта и вырезанная из кости мамонта антропоморфная голова [Синицин, 2016]. В этих коллекциях символических предметов «начального верхнего палеолита» одной из наиболее типичных серий являются подвески из зубов песка. Представлены они и на следующем этапе – раннего верхнего палеолита Русской равнины. Просверленные зубы животных известны по материалам других регионов (Грот-дю-Ренн, слой шательперон, др.). Разумеется, наряду с другими типами подвесок они применялись в качестве украшений и выполняли эстетическую функцию (илл. 1).

Илл. 1. Подвески из зубов песца. Сунгирь [Zhitenev, 2017, fig. 6].

Illus. 1. Pendants made of polar fox teeth. Sungir [Zhitenev, 2017, fig. 6].

В силу изоморфизма художественных и религиозных видов деятельности, свойственного первобытной культуре, зубы животного выступали в качестве религиозного предмета, символизирующего связь человека и животного. Основанная на почитании особого животного идея его связи с человеком могла иметь форму представлений об оборотничестве или тотеме. В том и другом случае эти представления выходили за рамки эмпирических знаний и опирались на созданные воображением мифологические знания. Зубы хищника – символ его опасной силы. Характерно, что на стоянке Сунгирь украшения из зубов песца имеют выраженную связь с мужской частью общества – общества охотников [Zhitenev, 2017, 77]. Для архаического сознания зубы хищника – это также вместилище опасной силы, поэтому в качестве подвески они могут быть использованы как магический предмет – амулет, оберег. Этнографические параллели такого рода функций и семантики зубов-подвесок многочисленны.

На Русской равнине, в Моравии большинство подвесок из зубов песцов и других животных использовалось не в качестве бусин ожерелий, а как нашивные украшения на одежду и головные уборы [Трусов, 2008, 432]. Примечательно, что наибольшее количество подвесок из зубов животных на ранних верхнепалеолитических памятниках обнаружено в погребениях, где они являлись элементами одежды умерших. С одной стороны, это можно объяснить условиями залегания подвесок, компактно сохранившихся в могилах. С другой стороны, изучение стоянки Сунгирь и ряда других выявило, что часть подвесок из погребений отличается своим орнаментом от подвесок, найденных в других местах стоянок. Некоторые подвески из погребений были незаконченными и изготовленными специально для погребальной церемонии, они не имели следов длительного ношения. Следовательно, определённая категория подвесок из зубов животных создавалась и использовалась в качестве погребального инвентаря в виде нашивных элементов погребальной одежды [Бадер, 1967; Zhitenev, 2017].

Зооморфные образцы мобильного искусства представлены находками на Сунгирьской стоянке, где обнаружены вырезанные из кости две фигурки лошади (или сайги, тарпана), одна – мамонта (или бизона), фрагмент фигурки бизона. Самое известное изображение – орнаментированная рядами углублений и окрашенная охрой подвеска в форме лошади, которая типологически и стилистически близка «зооморфной скульптуре ориньякской стоянки Фогельхерд (Германия)» (илл. 2) [Синицын, 2016, 329]. Фигурка лошади находилась в небольшом углублении культурного слоя; она имеет сквозное отверстие на задней ноге для крепления, заполированные в результате ношения стороны, что указывает, согласно трактовке О.Н. Бадера, на её использование в качестве амулета [Бадер, 1961]. Другая известная сунгирьская фигурка из мамонтовой кости в форме лошадеподобного животного сопутствовала детскому захоронению – подвеска лежала на груди похороненного ребёнка (илл. 3). Она изготовлена с признаками поспешной, хотя и тщательной обработки, очевидно, специально для погребального обряда. Подвеска в форме фигурки «мамонта» тоже находилась в могиле – погребении мальчика, где она покоилась под его левым плечом.

Илл. 2. Подвеска в форме орнаментированной лошади. Сунгирь [Zhitenev, 2017, fig. 8].
 Illus. 2. Pendant in the shape of an ornamented horse. Sungir [Zhitenev, 2017, fig. 8].

Илл. 3 Подвеска в форме лошадеподобной фигуры. Сунгирь [Zhitenev, 2017, fig. 9].
 Illus. 3 Horse-shaped pendant. Sungir [Zhitenev, 2017, fig. 9].

Очевидна связь большинства сунгирских подвесок из зубов песца и зооморфных фигурок-подвесок с обрядовыми практиками, прежде всего – с погребальными ритуалами и погребальной одеждой. Погребальная одежда, расшитая зубами-подвесками, и зооморфные изображения в могиле являлись наряду с оружием и другим инвентарём важным атрибутом, сопровождавшим обряд перехода умершего в посмертное состояние. Подвески из зубов животных на богато расшитой ими погребальной одежде, зооморфные фигурки заключали в себе особые смыслы, связанные с идеями перехода умершего из реальности земного бытия в реальность посмертного существования. Эти смыслы, скорее всего, либо акцентировали защитный смысл подвесок – магических оберегов, либо актуализировали мифологические представления о возвращении в первичное состояние причастности к животному миру. Не обязательно эти представления сводились к тотемизму. Они могли иметь в основе идею близости людей и животных – близости вплоть до взаимоперехода из человеческого состояния в животное и наоборот. Иначе говоря, идею взаимопревращения людей и животных, оборотничества. Идея оборотничества – одно из фундаментальных представлений архаического мышления.

Среди граветских образцов зооморфной скульптуры из памятников Русской равнины (бизонов, мамонтов, голов львов и львиц, овцебыка, медведей, др.) выделяется фигура бизона с Зарайской стоянки. Зарайская стоянка максимально близка костяковской группе памятников. Статуэтка бизона была обнаружена в 2001 г. в яме-хранилище, связанной в культурном слое с уровнем обитания, датированном временем ок. 23–22 тыс. л.н. Условия залегания скульптуры в яме-хранилище свидетельствуют о ритуальном погребении фигуры бизона. Фигурка вырезана из бивня мамонта очень натуралистично, изображение общего контура фигуры и деталей предельно реалистично (илл. 4–6). Примечательно, что фигура бизона имеет следы намеренного повреждения левой стороны острым предметом, лунок от ударов по боковой поверхности и окрашивания тела красной охрой, которые указывают на имитацию поражения зверя и истекания кровью. Обе левые ноги бизона отломаны [Лев, 2002; Пахунов, 2015]. Т.о., фигура бизона с Зарайской стоянки представляет собой специально изготовленный для использования в охотничьем магическом обряде ритуальный атрибут, связанный с верованиями и обрядами, которые, согласно этнографическими параллелям с обрядами североамериканских индейцев – охотников на бизонов, обусловлены тотемизмом и промысловой (охотничьей) магией

[Амирханов, 2009, 315–317]. Под тотемизмом в данном случае подразумевается поклонение духу-прародителю бизонов в обряде ритуального погребения фигурки бизона.

На Зарайской стоянке открыты другие зооморфные образцы мобильного искусства, близкие статуэтке бизона своей семантикой и прагматикой. В одной из ям-хранилищ в слабо окрашенной охрой супеси находился фрагмент ребра мамонта длиной 18 см. Одна из сторон имела фигуративную гравировку. На ребре тонкими линиями вырезаны три перекрывающиеся друг друга изображения мамонтов. Стиль рисунка близок многим другим граветтским образцам, в особенности изображению мамонта на стоянке Дольни Вестонице. Важно, что общая композиция изображения включает два пучка линий, направленных в головы двух мамонтов. Эти линии обозначают «стрелы» (или дротики). Поверх изображений мамонтов имеются повреждения в виде лунок с рваными краями, возникшие в результате нанесения около десяти сильных ударов острым предметом. «Таким образом, гравированное изображение из Зарайской стоянки наряду с фигуркой бизона представляет еще один факт использования обитателями этого поселения произведений искусства в магических целях. В охотничье-промысловом характере этих религиозных действий вряд ли приходится сомневаться» [Амирханов, 2007, 34].

Заметим, что ребро мамонта с гравировкой находилось в сходных с фигуркой бизона условиях залегания – в яме-хранилище, почти на самом её дне (–167 см). Очевидно, после выполнения обряда умерщвления мамонтов магический предмет с их образами был ритуально похоронен с посыпанием охрой в специальном углублении. Такой ритуал захоронения костей, хорошо известный из археологических и этнографических источников, заключал в себе идеи почитания хозяина костей и его возрождения.

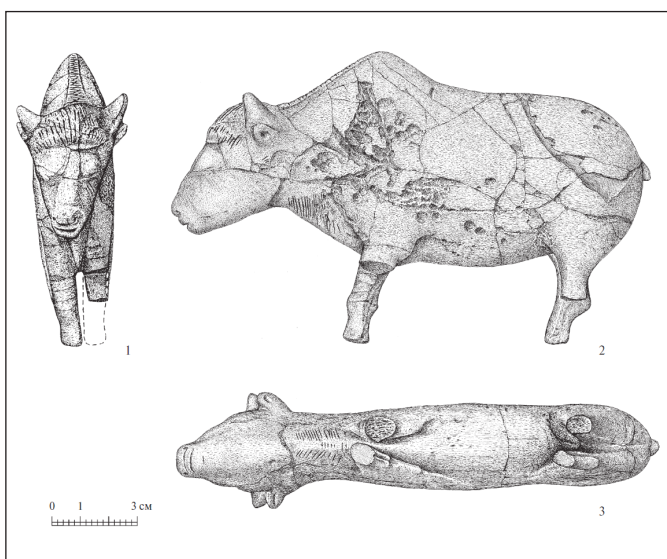
Илл. 4. Бизон из Зарайской стоянки. Правая сторона [Лев, 2002, рис. 1, а].

Illus. 4. Bison of the Zاراиск man site. Right side [Lev, 2002 fig. 1, a].

Илл. 5. Бизон из Зарайской стоянки. Левая сторона [Лев, 2002, рис. 1, б].

Illus. 5. Bison of the Zاراиск man site. Left side [Lev, 2002, fig. 1, b].

Илл. 6. Бизон из Зарайской стоянки. Вид спереди, слева, снизу [Амирханов, 2009, рис. 12].

Illus. 6. Bison of the Zاراиск man site. Front, left, bottom view [Amirkhanov, 2009: fig. 12].

Х.А. Амирханов и С.Ю. Лев, опираясь на материалы костенковских памятников, акцентируют внимание на глубоком сходстве этих памятников, материалов Авдеевской стоянки и в целом наследия всей виллендофско-костенковской культурной общности. Существует сходство не только в материальной культуре, но и в искусстве, религиозных представлениях. Зоолатрия, почитание животных, создание их изображений, включение представлений о животных в систему магических практик смерти и возрождения входили в общий фонд духовной культуры Европы эпохи граветта – периода очевидного «информационного и культурного единства всей верхнепалеолитической цивилизации Европы» [Хлопачев, 2016, 49, 64].

Древнейшие зооморфные образцы мобильного искусства Сибири

В Сибири в начальный период верхнего палеолита практика изготовления и использования образцов мобильного искусства существует в разных регионах и формах. В Забайкалье, Приангарье, Кузнецком Алатау, на Алтае на 16 памятниках выявлено около 150 изделий из кости, скорлупы, камня, раковин, бивня, которые относятся к категории личных украшений и включают в свой состав бусины, подвески, браслеты, диадемы и скульптуры. Коллекция этих предметов датирована временем от 50–40 до 30–25 тыс. л.н. Эти изделия сопоставимы с образцами мобильного искусства, обнаруженными на 32 памятниках европейского ориньяка и шательперрона, ближневосточного левантийского ориньяка [Лбова, 2016].

Значительную часть этой коллекции составляют костяные пронизки и подвески, а также подвески из скорлупы яиц страуса. Последние особенно широко распространены. Так, на стоянке Подзвонковая (Забайкалье, Бурятия) найдено более 22-х таких подвесок каплевидной, листовидной, овальной и иных форм. Одна подвеска обнаружена в культурном горизонте Нижнего комплекса, датированном временем 44–42 тыс. л.н., другие в расположенных рядом Восточном и Юго-Восточном комплексах с датировкой 39–38 тыс. л.н. [Ташак, 2002; Ташак, 2014]. Сибирские ранневерхнепалеолитические подвески из кости, страусиных яиц имели, возможно, не только эстетическую, но также религиозно-мифологическую, ритуальную семантику и прагматику. Однако вид изделий и археологический контекст их залегания в культурных слоях не позволяют с высокой степенью достоверности выявить семантико-прагматические аспекты для большинства образцов.

Среди древнейших сибирских образцов мобильного искусства есть зооморфные скульптурные изображения.

В Забайкалье на поселении Толбага в 1979 г. было обнаружено вырезанное из шейного позвонка шерстистого носорога изображение головы медведя (илл. 7). Предмет был найден в раскопе жилища, где он находился рядом с очагом. Голова медведя изначально была помещена в небольшое углубление и сверху прикрыта обломком кости. Скульптурное изображение головы медведя датировано периодом 35–25 тыс. л.н. [Константинов, 1983]. Очевидно, изготовление и использование головы медведя являлось составной частью почитания этого животного в формах медвежьего культа, распространённого во многих локальных верхнепалеолитических культурах. Примечательно, что изображение головы животного находилось рядом с очагом. Ритуальное приготовление головы медведя и её коллективное поедание с соблюдением особых предписаний (молчание и т.п.) существовало у ряда сибирских народов; автор статьи такую практику наблюдал в обрядовом поведении амурских эвенков.

В Кузнецком Алатау, в Хакасии, в ходе раскопок памятника Малая Сыя в 1975–1980 гг. найдены, помимо орудий, предметы неутилитарного назначения, включающие изделия из камня. Руководителем раскопок В.Е. Ларичевым часть изделий была отнесена к категории предметов искусства – скульптурным зооморфным и антропоморфным изображениям (черепахи, мамонта, соволового рожающего существа и т.д.) – и вписана в ранний верхний палеолит. Интерпретация скульптурных образов была поставлена в широкий контекст космогонических, теогонических, дуалистических и иных религиозно-мифологических сюжетов из фонда мировой мифологии [Ларичев, 1978; Ларичев, 1980]. Образцы из коллекции Малой Сыи и предложенные интерпретации породили острые дискуссии – вплоть до отрицания их в качестве артефактов. Очевидно, что предмет для дискуссии был. Однако, очевидно и то, что ряд вовлечённых в обсуждение предметов из Малой Сыи является артефактами,

относится к неутилитарным объектам и допускает их исследование в русле символической деятельности верхнепалеолитических жителей стоянки Малая Сья. В настоящее время коллекция неутилитарных предметов Малой Сьи расценивается как перспективная для понимания материальной и духовной культуры палеолитической Сибири; тем более в свете подтверждающих позицию В.Е. Ларичева новых данных о датировке памятника, которые близки времени 34–29 тыс. л.н. [Лбова, 2014; Лбова, 2015, 106].

В Северном Приангарье в ходе раскопок в 1981 г. стоянки Усть-Кова в палеолитическом культурном слое были найдены две вырезанные из бивня мамонта фигурки. Слой, в котором были обнаружены фигурки, относится к палеолитическому комплексу с датировкой 23–19 тыс. л.н. [Васильевский, 1983]. Одна из фигурок изображает мамонта. Искусно вырезанная, скульптура мамонта окрашена искусственными красителями красного и чёрного цветов (илл. 8). Характерно, что состав красной краски на поверхности фигурки имеет существенные отличия состава от красной краски, которой окрашены другие предметы, украшения, обнаруженные в культурном слое. Красная краска для окрашивания мамонта была изготовлена по особой технологии, отличной от технологии изготовления красного пигмента для других предметов [Волков, 2018, 63–64; Губар, 2019]. Возможно, правила приготовления красной краски регламентировались некими культурными, ритуальными нормами, в контексте которых ритуально высоко значимое изображение мамонта требовало приготовления красной краски по особой рецептуре.

Илл. 7. Изображение головы медведя. Поселение Толбага [Константинов, 1983, 79].
 Illus. 7. Bear's head. Tolbaga settlement [Konstantinov, 1983, 79].

Илл. 8. Фигура мамонта. Стоянка Усть-Кова. [Волков, 2018, рис. 1].
 Illus. 8. Mammoth. Ust-Kova man site [Volkov, 2018, fig. 1].

Вторая фигурка из Усть-Ковы неоднозначна. Авторы первой, исходной точки зрения полагают, что она изображает «птицу, сидящую в гнезде» или «сидящую птицу» [Васильевский, 1983]. Другие исследователи допускают, что это «байкальский тюлень – нерпа» [Акимова, 2003] или с акцентом на полиэikonичность образа и мифологические перевоплощения – «птица-нерпа» [Шмидт, 2011]. Фигурки животных имеют на своей поверхности признаки деформации в виде точечных забитостей, что, вероятно, указывает на намеренные повреждения в ходе ритуального поражения животного в обряде промысловой (охотничьей) магии.

Дискуссионной остаётся проблема взаимосвязи изображений из Усть-Ковы с образцами мобильного искусства из мальтинско-буретской культуры. В настоящее время дискуссия касается установления степени близости. Допускается, что Усть-Кова – «локальный вариант мальтино-буретской культуры» [Акимова, 2014, 263].

Мальта – древняя стоянка, расположенное на р. Белой в бассейне Ангары (недалеко от Иркутска). Мальте родственна находящаяся в 20 км стоянка Буреть. Вместе они образуют мальтинско-буретскую культуру, основное время существования которой – от 25–23 до 19–18 тыс. л.н. [Кузьмин, 2011, 6]. На стоянке Мальта, кроме жилищ, погребения, орудий и иных следов материальной культуры, уже в ходе первых раскопок 1928–1930 гг. М.М. Герасимовым были найдены замечательные образцы искусства – орнаменты, украшения (налобные подвески, другие), выгравированное на пластинке из бивня изображение мамонта, вырезанные из кости 10 фигурок птиц, зооморфная фигурка, 19 женских статуэток [Герасимов, 1931]. В ходе последующих раскопок количество фигуративных образцов мобильного искусства составило около 40 экземпляров [Абрамова, 1962]. Открытие в 1936 г. А.П. Окладниковым стоянки Буреть и последующие раскопки дополнили коллекцию антропоморфных и орнитоморфных изображений.

В коллекции мальтинских зооморфных изображений преобладают орнитоморфные – 20 изделий. Они изображают куропатку, гагару, лебедя, гуся и сходные виды птиц, преимущественно водоплавающих (илл. 9–12). Это отличает мальтинских птиц от фигурок птиц-хищников Мезинской стоянки. Большинство фигурок птиц (17) относится к серийным образцам, устойчиво повторяющим некоторые признаки. Образы птиц соответствуют двум группам – «летающих» и «сидящих» птиц. Фигурки имеют в нижней части отверстия, указывающие на то, что их либо прикрепляли к одежде, либо носили в связке, либо подвешивали на каком-либо предмете. Возможно, эти способы использования ситуативно менялись. Археологический контекст залегания находок связан в большинстве случаев с пребыванием в выгороженных плитами особых местах; в жилищах было найдено восемь фигурок, в погребении ребёнка – одно, на территории стоянки – четыре [Лбова, 2018]. Хотя однозначная закономерность в такой планировке отсутствует, похоже, что местоположение фигурок птиц связано с местами отправления ритуалов. Отгороженные плитами участки могли быть ритуальной площадкой, священным местом, погребальным сооружением; могила ребёнка – это, разумеется, культовый объект. Заметим, что в детском захоронении в составе ожерелья есть центральная подвеска из бивня мамонта, которую М.М. Герасимов считал изображением птицы [Волкова, 2010, рис. 1] (илл. 13).

Илл. 9. Полярная куропатка. Мальта [Лбова, 2018, рис. 2].
 Illus. 9. Polar partridge. Mal'ta [Lbova, 2018, fig. 2].

Илл. 10. Лебедь. Мальта [Лбова, 2018, рис. 3].
 Illus. 10. Swan. Mal'ta [Lbova, 2018, fig. 3].

Религиозное назначение орнитоморфных скульптур Мальты их первооткрыватель считал очевидным. Он видел в них продукт «обоготворения птиц» [Герасимов, 1931, 25]. А.П. Окладников признавал «возможное религиозно-магическое значение изображение птиц», но, разводя понятия «бог» и «дух», критиковал идею обожествления птиц в палеолите и ставил фигурки в связь со значением «небесята» и представлением о небе. В такой трактовке раннего этапа творчества он во многом следовал традициям мифологической школы и марксистской теории, дополняя данные археологии и этнографии сведениями из «палеонтологии языка» в духе яфетической теории Н.Я. Марра [Окладников, 1932]. Переводя проблему в область мировоззрения, А.П. Окладников полагал, что образы птиц – обитателей небесных пространств – на ранних этапах родового общества олицетворяют небо и солнце [Окладников, 1967, 114].

При раскопках Бурети А.П. Окладников обнаружил изделие из рога северного оленя с вырезанной на конце головой, напоминавшей голову водоплавающей птицы. По мнению автора находки, оно могло быть частью орнитоморфного изображения, имевшего деревянное туловище и голову из рога. В интерпретации этого предмета А.П. Окладников не пошёл в область реконструкций древнейшего мировоззрения, ограничившись сферой культовых практик: позднейшим подобием скульптуры могут выступать изделия, которые некоторые лесные племена Сибири устанавливали на могилах шаманов или в общеродовых культовых местах, обозначая ими «святилища» или «мольбища» [Окладников, 1940].

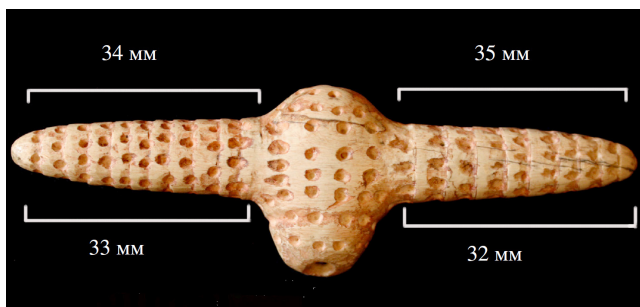
Современные интерпретации орнитоморфной мальтинско-буретской пластики в большинстве следуют в русле религиозно-мифологической семантики и прагматики скульптур. Так, обосновано предложение, согласно которому, орнитоморфные скульптуры визуализируют

Илл. 11. Гагара. Мальта [Лбова, 2018, рис. 4].
 Illus. 11. Loon. Mal'ta [Lbova, 2018, fig. 4].

Илл. 12. Летящие птицы. Мальта [Лбова, 2018, рис. 1].
 Illus. 12. Flying birds. Mal'ta [Lbova, 2018, fig. 1].

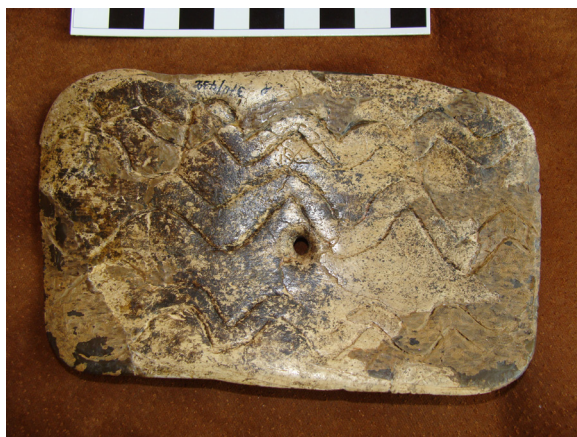
Илл. 13. Центральная подвеска из погребения. Мальта [Волкова, 2010, рис. 1].
 Illus. 13. Central pendant from the burial. Mal'ta [Volkova, 2010, fig. 1].

образ священной птицы, который включён в обряды «смерти и возрождения», погребения, или в ритуалы встречи и проводов перелётных птиц [Лбова, 2018, 19–20]. И.В. Шмидт, поставив акцент на «бескрылости» фигурок и обобщив их образом «лебедя с обрезанными крыльями», вначале пришла к мысли о «несбыточности надежд объяснить его знаковую конкретность» [Шмидт, 2008, 112]. Позднее исследовательница нашла объяснение в том, что фигурка птицы – изображение «приносителя-дарителя» души младенца, магический оберег постнатального периода жизни младенца [Шмидт, 2010, 55–56].

Этнографические параллели с культурами народов Сибири дают обширный материал для сближения мальгинских орнитоморфных подвесок с фигурками птиц из шаманской атрибутики – подвесками на костюмах, бубнах, связках, где они изображают духов-помощников шамана и входят в состав шаманской зоолатрии. Существовало общее правило, согласно которому после смерти шамана его атрибутика не переходила к другому лицу, а выводилась из употребления, тем или иным способом «захоранивалась» в особом месте. Возможно, мальгинские птицы – шаманский атрибут.

Преобладание орнитоморфной пластики является яркой особенностью мальтинско-буретской коллекции зооморфных изображений. Эта особенность указывает на важную роль, которую играл образ птицы в религиозных представлениях и практиках древнего населения Прибайкалья.

Змея – другой важный образ мальтинско-буретской культуры. Изображения трёх ползущих змей вырезаны на пластине из бивня мамонта, «пряжке» – одном из самых известных мальгинских изделий (илл. 14). Стилизованным изображением змеи М.М. Герасимов считал найденный им в 1929 г. длинный орнаментированный стержень из бивня мамонта. В ракурсе такой трактовки в членуре стержня можно выделить голову и тело, а полулунный орнамент принять за чешуйки на шкуре (илл. 15–16). К серпентоморфным образцам относится подвеска из бивня мамонта, украшенная головой с раскрытой пастью и поперечными линиями раскраски (илл. 17–18). Серпентоформный образ могут представлять некоторые вырезанные на изделиях орнаменты. Пластина-«пряжка» с тремя змеями имеет на оборотной стороне орнаменты в виде концентрических окружностей и спиралей (илл. 19). Извест-

Илл. 14. Ползущие змеи. Мальта [http://malta.artemiris.org/ru/find/view/4].

Illus. 14. Crawling snakes. Mal'ta [http://malta.artemiris.org/ru/find/view/4].

Илл. 15. Стержень – изображение змеи. Мальта [http://malta.artemiris.org/ru/find/view/14].

Illus. 15. Core (the image of a snake). Mal'ta [http://malta.artemiris.org/ru/find/view/14].

но, что Б.А. Фролов, В.Е. Ларичев, А. Маршак видели в композициях точек календарные и астрономические таблицы, системы счёта; такое понимание разделял А.П. Окладников [Окладников, 1967; Ларичев, 1993]. Согласно трактовке М.М. Герасимова, спирали на мальтинской пластине – образы змей. Змеиная семантика спиралей на древних образцах мобильного и парietального искусства – универсалия древних культур. На ряде других мальтинских изделий орнаменты, состоящие из линий и нанесённых поверх линий ямок, из полулунных выемок, из зигзагообразно-волнистых линий и из поперечных продольных линий, могут быть не просто графическими элементами декорирования [Лбова, 2017], но именно стилизованным изображением змеи [Корнеева, 2020, 54].

А.П. Окладников полагал, что образы змей, обитательниц подземелий, – олицетворяют воду и подземный мир [Окладников, 1967, 114]. В.Е. Ларичев с позиций астроархеологической теории видел в них, например, графические записи лунных циклов или сходные

календарно-астрономические символы. Ближе к правильному пониманию был, скорее всего, М.М. Герасимов, не уходящий далеко от культовой, религиозной природы серпентомофных изделий и орнаментов. Крайне важной в таком понимании оказывается намеченная М.М. Герасимовым связь между имитирующими чешую змеи полулунными вырезами на предметах с изображением змей и полулунными вырезами на фигурках женщин – мальтинских венер. Под таким углом зрения полулунные выемки оказываются на женских статуэтках знаками татуировок, имитирующих змеиную чешую. Конечно, были ли это именно татуировки на теле или иные варианты символического маркирования женского образа, с полной достоверностью установить сложно. Но это не отменяет главное. Змеиные орнаменты, волнообразные змеевидные конфигурации причёски на женских фигурках соединяют образ женщины и образ змеи и отсылают к представлениям о змеях как источнике жизни, плодovitости, деторода, а также к основанному на этих представлениях культу змей – одному из древнейших в истории человечества. Культ змей был, очевидно, одним из важнейших культов мальтинско-буретской культуры. Он мог входить в женские ритуальные практики и быть связан с женским культовым сообществом, имея своё воплощение в серпентоморфных символических изображениях.

Илл. 16. Стержень – изображение змеи. Полулунный орнамент на голове и теле. Мальта. [<http://malta.artemiris.org/ru/find/view/14>].

Illus. 16. Core (the image of a snake). Lunar ornament on the head and body. Mal'ta. [<http://malta.artemiris.org/ru/find/view/14>].

Илл. 17. Подвеска в форме змеи. Мальта [<http://malta.artemiris.org/ru/find/view/17>].

Illus. 17. Pendant in the shape of a snake. Mal'ta [<http://malta.artemiris.org/ru/find/view/17>].

Илл. 18. Подвеска в форме змеи. Голова змеи. Мальта [<http://malta.artemiris.org/ru/find/view/17>].

Illus. 18. Pendant in the shape of a snake. Snake's head. Mal'ta [<http://malta.artemiris.org/ru/find/view/17>].

На этом фоне отдельные фигурки – трудноопределимого животного (нерпы-медведя-суслика-выдры-росомахи?) и мамонта, – а также вырезанное на кости изображение мамонта остаются редкими образцами других форм зоолатрии (илл. 20).

Дискуссия по поводу палеолитического населения Мальты и истоков мальтинско-буретской культуры в науке ведётся уже давно. В 2014 г. были опубликованы данные анализа ДНК похороненного в Мальте мальчика 3–4 лет, жившего около 24 тыс. л.н. В результате генетических исследований оказалось, что генотип ребёнка из Мальты очень близок генетическому составу верхнепалеолитических и мезолитических европейцев охотников-собирателей и индейцев Северной Америки, но имеет мало общего с генетическим составом восточноазиатского населения. С результатами изучения генома мальчика из Мальты связаны данные, полученные на стоянке Афонтова гора-2 (близ Красноярска, левый берег Енисея). Там были обнаружены костные останки мужчины, жившего около 17 тыс. л.н. Его генетический состав близок генетическому составу мальчика из Мальты [Raghavan, 2014].

Из Мальты [Raghavan, 2014]. Выяснилось далее, что общины мальчика из Мальты и женщины с Афонтовой горы являются потомками населения более северной Янской стоянки (ок. 31,6 тыс. л.н.) и вместе они составляют популяцию «древних северных сибиряков» (Ancient North Siberians). Эта популяция сформировала первый поток заселения Сибири людьми современного анатомического типа. Миграционный поток состоял из групп, родственных группам западно-евразийских охотников-собирателей [Sikora, 2019]. Одной из родственных населению Мальты западно-евразийских групп было население Костенок 14. Т.о., палеолитические мальтинцы связаны в своём происхождении с «базисной евразийской» родословной (“basal Eurasian” lineage) [Seguin-Orlando, 2014]. Границы расселения представителей «базисной евразийской» родословной простирались 40–17 тыс. л.н. от Европы до северо-восточных пределов Сибири, до Арктики. В целом современные исследования подтвердили восходящую к М.М. Герасимову идею о прошлом характере мальтинско-буретской культуры и её генезисе на почве европейской прародины.

Степень близости между группами, связанными общей «базисной евразийской» родословной, как в антропологическом, так и в культурном отношении была различной. Мальтинско-буретская культура, имея в своей основе европейские антропологические корни, в религиозном отношении существенно отличается от верхнепалеолитических европейских культур, от культур Русской равнины. С одной стороны, их объединяет присутствие развитых традиций зооморфного мобильного

Илл. 19. Орнаментированная пластина. Мальта [Волкова, 2010, рис. 2].
 Illus. 19. Ornamented plate. Mal'ta [Volkova, 2010, fig. 2].

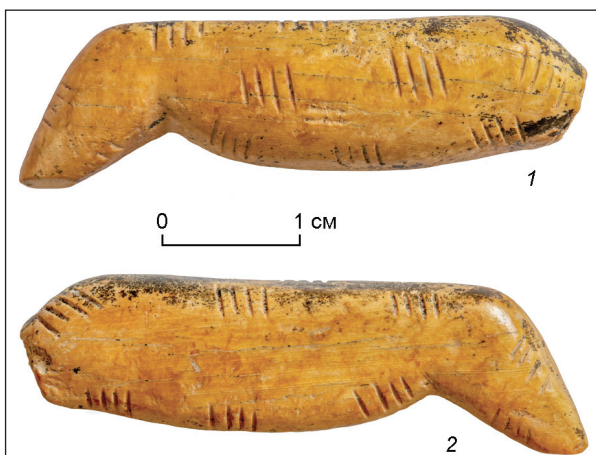

Илл. 20. Зооморфная фигурка трудноопределимого животного. Мальта [http://malta.artemiris.org/ru/find/view/13].
 Illus. 20. Zoomorphic figurine of a hard-to-define animal. Mal'ta [http://malta.artemiris.org/ru/find/view/13].

искусства и зоолатрии. С другой стороны, очевидны глубокие различия. На западе доминируют образы животных – объектов охоты и хищников, крупных и мелких, в Мальте первостепенное значение имеют образы птиц и змей. За этими внешними отличиями стоят глубокие отличия в особенностях морфологии религии локальных групп «базисной евразийской» популяции.

В 2019 г. в Денисовой пещере открыт образец мобильного искусства исключительного значения – вырезанное из бивня мамонта изображение животного из семейства кошачьих, скорее всего, льва. Она орнаментирована прямыми насечками и местами окрашена красным пигментом (охрой) (илл. 21–22). Следы красной краски на правом боку и животе фигурки дали повод образно именовать её «раненый лев»: «Сочетание насечек и охры, оставленной в одном из наиболее уязвимых мест тела животного – на животе и ребрах, – позволяет рассматривать эту композицию как имитацию смертельной, кровоточащей раны, нанесенной когтями другого крупного хищника» [Деревянко, 2019, 107]. Фигурка имеет повреждения (отсутствует голова и передние конечности, деформированы задние ноги). Частичное отслоение задних конечностей является следствием естественных процессов пребывания в толще грунта. Утрата передней части туловища произошла в результате механического повреждения в древности [Деревянко 2019, 104]. Возможно, это было преднамеренное повреждение – ритуальное умерщвление животного. Однозначная трактовка насечек, красной краски, повреждений на теле животного была бы некорректной. Однако они predisполагают к выводу, что образ хищника был включён в экспрессивный идейно-эмоциональный контекст религиозных представлений, построенных на ярких образах и динамичном сюжете.

Фигурка льва имеет признаки неутилитарного износа – стёртости, следы регулярного контакта с мягкой органической поверхностью. Такие особенности износа возникают на изделиях из бивня в результате взаимодействия с руками человека, кожаными изделиями, транспортировки в кожаном мешочке и в сходных случаях [Деревянко, 2019, 106]. Следы износа допускают, что скульптура использовалась в ритуальных целях. Её бережно хранили, при необходимости извлекали, манипулировали ею, а в какой-то критический момент ритуально умертвили. Примеры такого обращения с зооморфными фигурками в палеолите многочисленны. Разумеется, здесь, как и во многих других случаях дискуссии о прагматике древних образцов мобильного искусства, можно отсылать изделие к категории детских игрушек. Вряд ли это правильно. Такие посылы основаны, чаще всего, на переносе представлений о детстве и детской культуре

Илл. 21. Изображение льва. Денисова пещера [Деревянко, 2019, рис. 2].
 Illus. 21. Lion. Denisova Cave [Derevianko, 2019, fig. 2].

Илл. 22. Изображение льва. Следы орнамента и остатков красителя на скульптуре [Деревянко, 2019, рис. 4].
 Illus. 22. Lion. Traces of ornament and dye residues on the figurine [Derevianko, 2019, fig. 4].

из области позднейшей ментальности в глубокую древность. Игрушка как предмет-безделица для развлечения ребёнка появляется поздно. К сожалению, объём статьи не позволяет развить эту тему.

Прямых аналогов в верхнепалеолитическом искусстве других регионов «раненый лев», согласно мнению участников его исследования, не имеет, но подобные изображения существуют в наскальных рисунках Франко-Кантабрии (пещеры Шове, Комбарель, Альден и Ваше) и в скульптурах львов из пещеры Фогельхерд (Швабская Юра). «Раненый лев» находился в отложениях 11 слоя, которые связаны с артефактами начальной стадии верхнего палеолита [Деревянко 2019, 106]. Известно, что 11 слой датирован временем около 50–45 тыс. л.н. С возрастом не моложе 45 тыс. л.н. фигурка льва из Денисовой пещеры является древнейшим из ныне известных чётко документированных зооморфных образцов палеолитической скульптуры. Она древнее швабских львов.

Известно также, что 11 слой соотнесён с деятельностью денисовской популяции. Следовательно, есть основания считать, что скульптура «раненого льва» принадлежала денисовцам. Это обстоятельство радикально меняет представления об антропологических истоках фигуративного искусства и связанного с ними древнейшего религиозно-мифологического пласта. В настоящее время эти истоки выводятся из культурных достижений людей современного анатомического типа. Находка льва из Денисовой пещеры включает денисовцев, отдельный вид *Homo*, в состав создателей развитых форм искусства и религии. Фигура льва, наряду с богатой коллекцией других символических изделий из алтайской пещеры, много говорит не только о денисовцах, но и о неоднородном пути генезиса искусства и религии, который торили представители разных ветвей древнего человечества.

Заключение

Русская равнина и Сибирь являются территориями раннего расселения разных групп человечества. На Русской равнине первые стоянки людей современного анатомического типа старше 40 тыс. В Сибири представители вида *Homo erectus* появляются уже в эпоху нижнего палеолита. Позднее здесь расселялись локальные общности всех трёх ветвей человечества, берущих начало от предкового эректоидного ствола, – денисовцы, неандертальцы и люди современного анатомического типа. Последние (кроманьонцы в широком смысле слова) появляются в Сибири около 45 тыс. л.н. – гораздо раньше, чем в большинстве других регионов Европы. Локальные группы этих популяций создали в местах расселения развитые культуры, включавшие широкий набор признаков поведенческой современности.

Для локальных групп кроманьонцев достоверно установлено появление одного из признаков поведенческой современности – зооморфных скульптур – около 34 тыс. л.н., в начальный период верхнего палеолита (Сунгирская стоянка). К концу ориньяка – началу граветта зооморфные образцы мобильного искусства становятся типичным явлением верхнепалеолитической эпохи. Археологический контекст расположения артефактов и особенности их внешнего вида в ряде случаев свидетельствуют, что некоторые зооморфные изделия выступали не только предметами искусства или символами социальной стратификации, но и атрибутами религиозных практик почитания животных. Открытие скульптуры «раненого льва» в Денисовой пещере допускает, что сходные представления и действия были свойственны денисовцам. Эта скульптура удревляет возраст древнейших зооморфных скульптур и связанных с ними неутилитарных практик до времени более 45 тыс. л.н. Наличие зоолатрии в территориально и антропологически разных культурах указывает, что она закономерно формируется на стадии достижения определенного уровня духовного развития человечества и является естественным результатом антропо- и культуругенеза.

Зоолатрия – универсальное явление. Наряду с общими признаками, ей присущи локальные особенности. В разных, даже связанных родством происхождения, локальных группах зоолатрия имеет специфические признаки, обусловленные природными факторами, стратегиями адаптации и особенностями воображения. В локальных культурах зоолатрия соединялась в разных сочетаниях с погребальной обрядностью, промысловой магией, гендерными культами и другими формами

религии. В результате возникали локально специфические конфигурации форм религии, в которых своеобразно сопрягались зоолатрия, магия, погребальные практики и другие формы религии. Т.о., в разных локальных культурах морфология религии имела разную конфигурацию. Исследование зоолатрии локальных групп «базисной евразийской» популяции демонстрирует вариативность морфологии (внутреннего строения) религии даже в культурно родственных и хронологически близких сообществах.

Благодарность

Исследование поддержано грантом РФФИ, проект № 20-011-00408

Acknowledgement

The study is supported by a grant of RFBR, project no. 20-011-00408

Библиографический список

1. Абрамова, З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР / З.А. Абрамова. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – 86 с.
2. Акимова, Е.В. Интерпретация скульптурного изображения с палеолитической стоянки Усть-Кова / Е.В. Акимова, С.В. Метляев // Древности Приенисейского края. – Красноярск, Изд-во КГПУ, 2003. – Вып. 2. – С. 18–19.
3. Акимова, Е.В. Последние раскопки палеолитической стоянки Усть-Кова в Северном Приангарье / Е.В. Акимова, Е.Н. Кукса, И.В. Стасюк, Е.А. Томилова, В.М. Харевич, А.Н. Мотузко // Верхний палеолит Северной Евразии и Америки: памятники, культуры, традиции. – СПб.: Петербургское востоковедение, 2014. – С. 311–319.
4. Амирханов, Х.А. Произведения палеолитического искусства стоянки Зарайск А / Х.А. Амирханов, С.Ю. Лев // Амирханов Х.А. [и др.]. Исследование палеолита в Зарайске. 1999–2005 / Под ред. Х.А. Амирханова. – М.: Палеограф, 2009. – С. 289–339.
5. Амирханов, Х.А. Новые произведения палеолитического искусства с Зарайской стоянки / Х.А. Амирханов, С.Ю. Лев // Российская археология. – 2007. – № 1. – С. 22–35.
6. Аникович, В.М. Пути становления верхнего палеолита Восточной Европы и Горного Алтая / В.М. Аникович // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2007. – № 1 (29). – С. 2–15.
7. Герасимов, М.М. Мальта палеолитическая стоянка (предварительные данные). Результат работ 1928/29 г. / М.М. Герасимов. – Иркутск: Иркутский краевой музей, Издательство «Власть труда», 1931. – 34 с.
8. Губар, Ю.С. Элементарный состав пигментов в коллекции Усть-Ковы (Северное Приангарье) / Ю.С. Губар, Л.В. Лбова, Н.И. Дроздов // Знаки и образы в искусстве каменного века. Международная конференция. Тезисы докладов. – М.: ИА РАН, 2019. – С. 42.
9. Бадер, О.Н. Уникальная палеолитическая фигурка со стоянки Сунгирь / О.Н. Бадер // Краткие сообщения Института археологии. – 1961. – Вып. 82. – С. 135–139.
10. Бадер, О.Н. Погребения в верхнем палеолите и могила на стоянке Сунгирь / О.Н. Бадер // Советская археология. – 1967. – № 3. – С. 142–159.
11. Васильевский, Р.С. Палеолитические скульптурные изображения из Восточной Сибири / Р.С. Васильевский, Н.И. Дроздов // Пластика и рисунки древних культур. – Новосибирск: Наука, 1983. – С. 59–65.
12. Васильчук, Ю.К. Рубеж плейстоцена и голоцена – около 10 тысяч лет назад – время коренной смены типичных геохронологических образований / Ю.К. Васильчук // Криосфера Земли. – 2012. – Т. XVI. – № 3. – С. 29–38.
13. Волков, П.В. Усть-Ковинский мамонт: результаты микроскопического исследования / П.В. Волков [и др.] // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2018. – Т. 17. – № 7: Археология и этнография. – С. 56–66.
14. Волкова, С.Ю. Центральная подвеска из детской могилы стоянки Мальта / С.Ю. Волкова // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2010. – Т. 9. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 132–135.
15. Герасимова, М.М. Еще раз о палеоантропологических находках в Костенках / М.М. Герасимова // Этнографическое обозрение. – 2010. – № 2. – С. 26–40.
16. Деревянко, А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа / А.П. Деревянко. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2011. – 560 с.

17. Деревянко, А.П. Три глобальных миграции человека в Евразии / А.П. Деревянко. – Новосибирск, Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2017. – Т. II. Первоначальное заселение человеком Северной, Центральной и Средней Азии. – 884 с.
18. Деревянко, А.П. Проблема существования широколиственных пород в позднем вюрме Алтая / А.П. Деревянко [и др.] // Доклады Академии наук. – 1993. – Т. 330. – № 6. – С. 736–739.
19. Деревянко, А.П. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая: Условия обитания в окрестностях Денисовой пещеры / А.П. Деревянко [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2003. – 447 с.
20. Деревянко, А.П. Стоянка раннего палеолита Карамы на Алтае / А.П. Деревянко [и др.]. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2005. – 88 с.
21. Деревянко, А.П. Палеолитическая скульптура из Денисовой пещеры / А.П. Деревянко, М.В. Шуньков, А.Ю. Федорченко // Проблемы археологии, этнографии и антропологии Сибири и сопредельных территорий. – 2019. – Т. 25. – С. 103–108.
22. Забияко, А.П. Генезис религии: возникновение зоолатрии по материалам наскальных изображений / А.П. Забияко // Религиоведение. – 2018. – № 4. – С. 5–25.
23. Забияко, А.П. Генезис религии: возникновение зоолатрии по материалам мобильного искусства Западной и Центральной Европы / А.П. Забияко // Религиоведение. – 2020. – № 1. – С. 5–28.
24. Константинов, М.В. Древнейшая скульптура Сибири / М.В. Константинов [и др.] // Краткие сообщения Института археологии. – 1983. – Вып. 173. – С. 78–81.
25. Корнеева, Т.В. Орнамента верхнепалеолитической стоянки Мальта / Т.В. Корнеева // Археологические вести. – 2020. – № 27. – С. 48–59.
26. Кузьмин, Я.В. Радиоуглеродное датирование палеолита Сибири и Дальнего Востока России: материалы к каталогу ^{14}C дат (по состоянию на конец 2010 г.) / Я.В. Кузьмин [и др.] // STRATUM plus. Культурная антропология и археология. – 2011. – № 1. – С. 171–202.
27. Лаухин, С.А. Современное состояние реконструкций природной среды на севере Сибири в каргинское время (поздний плейстоцен) / С.А. Лаухин, В.С. Пушкарь, В.М. Черепанова // Бюллетень Московского общества испытателей природы. Отдел геологический. – 2012. – Т. 87. – Вып. 6. – С. 37–48.
28. Ларичев, В.Е. Скульптура черепахи с поселения Малая Сья и проблема космогонических представлений верхнепалеолитического человека (описание находки и опыт предварительной интерпретации) / В.Е. Ларичев // У истоков творчества. – Новосибирск: Наука, 1978. – С. 32–69.
29. Ларичев, В.Е. Мамонт в искусстве поселения Малая Сья и опыт реконструкции представлений верхнепалеолитического человека Сибири о возникновении Вселенной / В.Е. Ларичев // Звери в камне. Первобытное искусство. – Новосибирск: Наука, 1980. – С. 159–198.
30. Ларичев, В.Е. Сотворение Вселенной: Солнце, Луна и Небесный дракон / В.Е. Ларичев. – Новосибирск: Наука, 1993. – 287 с.
31. Лбова, Л.В. Мальтинская орноморфная пластика как культурный код палеолитического населения Сибири / Л.В. Лбова, А.И. Панкина // Искусство Евразии. – 2018. – № 4. – С. 12–26.
32. Лбова, Л.В. Палеолитические культуры Забайкалья и Монголии (новые памятники, методы, гипотезы) / Отв. ред. Л.В. Лбова. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ, 2005. – 151 с.
33. Лбова, Л.В. Предметы персональной орнаментации в контексте знаковых систем палеолита Сибири / Л.В. Лбова // Universum Humanitarium. – 2016. – № 1 (2). – С. 37–50.
34. Лбова, Л.В. Предметы неутилитарного назначения верхнепалеолитического местонахождения Малая Сья (технологический аспект) / Л.В. Лбова [и др.] // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – 2014. – Т. 13. – Вып. 5: Археология и этнография. – С. 91–100.
35. Лбова, Л.В. Новые данные о радиоуглеродном возрасте местонахождения Малая Сья / Л.В. Лбова [и др.] // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Ин-та археологии и этнографии СО РАН, 2015. – Т. XXI. – С. 103–106.
36. Лбова, Л.В. Основные приемы моделирования и декорирования палеолитической антропоморфной скульптуры с памятника Мальта (Восточная Сибирь) / Л.В. Лбова [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2017. – № 3 (45). – С. 48–55.
37. Лев, С.Ю. Сравнительная характеристика и стилистический анализ статуэтки бизона с Зарайской стоянки / С.Ю. Лев, Х.А. Амирханов // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2002. – № 3 (11). – С. 22–31.
38. Морозова, П.А. Влияние Скандинавского ледника на климатические условия Восточно-Европейской равнины по данным численного моделирования проекта RMP II / П.А. Морозова // Лёд и Снег. – 2014. – 54 (1). – С. 113–124.

39. Окладников, А.П. За методологию диалектического материализма в истории доклассового общества (По поводу книги: М. М. Герасимов. Мальта, палеолитическая стоянка. Иркутск, 1931) / А.П. Окладников // Сообщения Государственной Академии истории материальной культуры. – 1932. – № 3/4. – С. 66–70.
40. Окладников, А.П. Новые данные о палеолитическом прошлом Прибайкалья (к исследованиям в Бурети 1936–1939 гг.) / А.П. Окладников // Краткие сообщения Института археологии. – 1940. – Вып. 5. – С. 59–61.
41. Окладников, А.П. Утро искусства / А.П. Окладников. – Л.: Искусство, 1967. – 135 с.
42. Пахунов, С.А. Комплексная исследовательская фотосъемка скульптуры бизона с Зарайской стоянки: предварительные результаты / С.А. Пахунов, С.Ю. Лев // Краткие сообщения Института археологии. – 2015. – Вып. 241. – С. 20–27.
43. Серебрянный, Л.Р. Когда растаяли льды на Русской равнине? / Л.Р. Серебрянный // Природа. – 1967. – № 3. – С. 53–60.
44. Синицын, А.А. Ранний верхний палеолит Восточной Европы: украшения и вопросы эстетики / А.А. Синицын // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. редактор Г.А. Хлопачев. – СПб.: Экстрапринт, 2016. – С. 320–337.
45. Ташак, В.И. Нижнепалеолитические материалы горы Хэгэрэктэ в контексте нижнего палеолита Центральной и Восточной Азии / В.И. Ташак // Вестник Бурятского университета. – 2011. – № 8. – С. 215–220.
46. Ташак, В.И. Бифасиальные изделия в палеолите Забайкалья / В.И. Ташак // Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: Сборник научных статей. Уссурийск, 2011. – С. 130–141.
47. Ташак, В.И. Обработка скорлупы яиц страусов в верхнем палеолите Забайкалья / В.И. Ташак // История и культура Востока Азии: Материалы междунар. науч. конф. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2002. – Т. 2. – С. 159–164.
48. Ташак, В.И. Становление раннего верхнего палеолита Западного Забайкалья (по материалам Нижнего комплекса стоянки Подзвонковая) / В.И. Ташак // STRATUM plus. Археология и культурная антропология. – 2014. – № 1. – С. 149–264.
49. Трусов, А.В. Ожерелье из зубов песка Зарайской стоянки / А.В. Трусов, В.С. Житенев // Человек, адаптация, культура. – М.-Тула: Институт археологии РАН, 2008. – С. 427–434.
50. Хлопачев, Г.А. Образы, символы, знаки верхнего палеолита: древности археологического собрания МАЭ / Г.А. Хлопачев // Верхний палеолит: образы, символы, знаки. Каталог предметов искусства малых форм и уникальных находок верхнего палеолита из археологического собрания МАЭ РАН / Отв. редактор Г.А. Хлопачев. – СПб.: Экстрапринт, 2016. – С. 48–65.
51. Шмидт, И.В. Об одной забытой гипотезе и возможности ее развития (на примере сибирской орнитоморфной пластики палеолита) / И.В. Шмидт // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2008. – № 1 (33). – С. 109–114.
52. Шмидт, И.В. Особенности «мальтинского реализма». К практике интерпретации антропоморфных изображений палеолита Сибири / И.В. Шмидт // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2010. – № 3 (43). – С. 109–114.
53. Шмидт, И.В. К проблемам переосмысления образности фигурки из Усть-Ковы / И.В. Шмидт // Археология, этнография, палеоэкология Северной Евразии: проблемы, поиск, открытия: Материалы LI РАЭСК. – Красноярск: Изд-во КГПУ, 2011. – С. 9–11.
54. Fu, Q. Genome sequence of a 45,000-year-old modern human from western Siberia / Q. Fu et al. // Nature. – 2014. – № 514. – P. 445–449.
55. Grigor'ev, G.P. The Kostenki-Avdeev Archaeological Culture and the Willendorf-Pavlov-Kostenki-Avdeev Cultural Unity / G.P. Grigor'ev // From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic-Paleo-Indian Adaptations. Ed. by Olga Soffer and N.D. Praslov. – New York, Plenum Press, 1993. – P. 51–65.
56. Jacobs, Z. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia / Z. Jacobs et al. // Nature. – 2019. – № 565. – P. 594–599.
57. Krause, J. et al. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia / J. Krause et al. // Nature. – 2010. – Vol. 464. – P. 894–897.
58. Kuzmin, Y.V. AMS 14C age of the Upper Paleolithic Skeletons from Sungir site, Central Russian Plain / Y.V. Kuzmin et al. // Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. Sect. B. – 2004. – Vol. 223–224. – P. 731–734.
59. Mafessoni, F. A high-coverage Neandertal genome from Chagyrskaya Cave / F. Mafessoni et al // PNAS. – 2020. – Vol. 117. – № 26. – P. 15132–15136.
60. Meyer, M. A high-coverage genome sequence from an archaic Denisovan individual / M. Meyer et al. // Science. – 2012. – № 338. – P. 222–226.

61. Marom, A. Single amino acid radiocarbon dating of Upper Palaeolithic modern humans / A. Marom et al. // PNAS. – 2012. – Vol. 109. – P. 6878–6881.
62. Nalawade-Chavan, Sh. New Hydroxyproline Radiocarbon Dates from Sungir, Russia, Confirm Early Mid Upper Palaeolithic Burials in Eurasia / Sh. Nalawade-Chavan, J. McCullagh, R. Hedges // PLoS ONE. – 2014. – Vol. 9 (1). – P. 76896.
63. Raghavan, M. Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans / M. Raghavan et al. // Nature. – 2014. – № 505. – P. 87–91.
64. Reich, D. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia / D. Reich et al. // Nature. – 2010. – Vol. 468. – P. 1053–1060.
65. Seguin-Orlando, A. Genomic structure in Europeans dating back at least 36,200 years / A. Seguin-Orlando et al. // Science. – 2014. – Vol. 346. – P. 1113–1118.
66. Sikora, M. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene / M. Sikora et al. // Nature. – 2019. – Vol. 570. – P. 182–190.
67. Slon, V. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father / V. Slon et al. // Nature. – 2018. – № 561. – P. 113–116.
68. Zhitenev, V.S. Personal ornaments and decorated objects from the Early Upper Paleolithic site of Sungir / V.S. Zhitenev // The Sungirian and Streletskian in the Context of the Eastern European Early Upper Paleolithic. Acts of the Conference of the UISPP Commission 8 in Saint-Petersbourg. – Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège. – Liège, 2017. – P. 73–84.

Текст поступил в редакцию 10.08.2020.

Принят к публикации 29.09.2020.

Опубликован 24.12.2020.

References

1. Abramova Z.A. *Paleoliticheskoe iskusstvo na territorii SSSR* [Paleolithic Art on the Territory of the USSR] Moscow-Leningrad: Izd-vo AN SSSR, 1962, 86 p. (in Russian).
2. Akimova E.V., Metlyayev S.V. *Drevnosti Prienisejskogo kraja* [Antiquities of the Yenisei Region]. Krasnoyarsk: Izd-vo KGPU, 2003, vol. 2, pp 18–19 (in Russian).
3. Akimova E.V. et al. *Verkhnij paleolit Severnoj Evrazii i Ameriki: pamyatniki, kul'tury, traditsii* [Upper Paleolithic in Northern Eurasia and America: Sites, Cultures, Traditions]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2014, pp. 311–319 (in Russian).
4. Amirkhanov Kh.A., Lev S.Yu. *Issledovanie paleolita v Zarayske. 1999–2005* [Study of Paleolithic in Zaraysk]. Ed. Kh.A. Amirkhanov. Moscow: Paleograf, 2009, pp. 289–339 (in Russian).
5. Amirkhanov Kh.A., Lev S.Yu. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archeology]. 2007, no. 1, pp. 22–35 (in Russian).
6. Anikovich V.M. *Arkheologiya, ehtnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2007, no. 1 (29), pp. 2–15 (in Russian).
7. Gerasimov M.M. *Mal'ta paleoliticheskaya stoyanka (predvaritel'nye dannye). Rezul'tat rabot 1928/29 g.* [Mal'ta the Paleolithic Man Site (Preliminary Data). The Result of the Works of 1928–29]. Irkutsk: Irkutskij kraevoj muzej, Izdatel'stvo "Vlast' truda", 1931, 34 p. (in Russian).
8. Gubar Yu.S., Lbova L.V., Drozdov N.I. *Znaki i obrazy v iskusstve kamennogo veka. Mezhdunarodnaya konferentsiya. Tezisy dokladov* [Signs and Images in Stone Age Art. International Conference. Theses of Reports]. Moscow: IA RAN, 2019, p. 42 (in Russian).
9. Bader O.N. *Kratkie soobshheniya Instituta arkheologii* [Brief Reports of the Institute of Archeology]. 1961, vol. 82, pp. 135–139 (in Russian).
10. Bader O.N. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archeology]. 1967, no. 3, pp. 142–159 (in Russian).
11. Vasil'evskij R.S., Drozdov N.I. *Plastika i risunki drevnikh kul'tur* [Plastics and Drawings of Ancient Cultures]. Novosibirsk: Nauka, 1983, pp. 59–65 (in Russian).
12. Vasil'chuk Yu.K. *Kriosfera Zemli* [Cryosphere of the Earth]. 2012, vol. XVI, no. 3, pp. 29–38 (in Russian).
13. Volkov P.V. et al. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2018, vol. 17, no. 7: Arkheologiya i ehtnografiya, pp. 56–66 (in Russian).
14. Volkova S.Yu. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2010, vol. 9, no. 5: Arkheologiya i ehtnografiya, pp. 132–135 (in Russian).
15. Gerasimova M.M. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2010, no. 2, pp. 26–40 (in Russian).
16. Derevianko A.P. *Verkhnij paleolit v Afrike i Evrazii i formirovanie cheloveka sovremennogo anatomicheskogo tipa* [Upper Paleolithic in Africa and Eurasia and the Origin of Anatomically Modern human]. Novosibirsk: Izd-vo IAERT SO RAN, 2011, 560 p. (in Russian).
17. Derevianko A.P. *Tri global'nykh migratsii cheloveka v Evrazii* [Three Glodal Migration of Humans in Eurasia]. Novosibirsk: Izd-vo IAERT SO RAN, 2017, vol. 2: Pervonachal'noe zaselenie chelovekom Severnoj, Tsentral'noj i Srednej Azii, 884 p. (in Russian).

18. Derevianko A.P. et al. *Doklady Akademii nauk* [Reports of the Academy of Science]. 1993, vol. 330, no. 6, pp. 736–739 (in Russian).
19. Derevianko A.P. et al. *Prirodnaya sreda i chelovek v paleolite Gornogo Altaya: Usloviya obitaniya v okrestnostyakh Denisovoj peshchery* [Natural Environment and Man in the Paleolithic of the Mountain Altai: Living Environment near Denisov Cave]. Novosibirsk: Izd-vo IAEHT SO RAN, 2003, 447 p. (in Russian).
20. Derevianko A.P. et al. *Stoyanka rannego paleolita Karama na Altai* [Early Paleolithic Karama Man Site in the Altai]. Novosibirsk: Izd-vo IAEHT SO RAN, 2005, 88 p. (in Russian).
21. Derevianko A.P. et al. *Problemy arkhologii, ehntografii i antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij* [Issues of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. 2019, vol. 25, pp. 103–108 (in Russian).
22. Zabyako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2018, no. 4, pp. 5–25 (in Russian).
23. Zabyako A.P. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2020, no. 1, pp. 5–28 (in Russian).
24. Konstantinov M.V. et al. *Kratkie soobshheniya Instituta arkhologii* [Brief Reports of the Institute of Archeology]. 1983, vol. 173, pp. 78–81 (in Russian).
25. Korneeva T.V. *Arkheologicheskie vesti* [Archeological News]. 2020, no. 27, pp. 48–59 (in Russian).
26. Kuz'min Ya.V. et al. *STRATUM plus. Kul'turnaya antropologiya i arkhologiya* [STRATUM plus Cultural Anthropology and Archeology]. 2011, no. 1, pp. 171–202 (in Russian).
27. Laukhin S.A., Pushkar' V.S., Cherepanova V.M. *Byulleten' Moskovskogo obshchestva ispytatelej prirody. Otdel geologicheskij* [Bulletin of Moscow Community of Nature Researchers. Geological Department]. 2012, vol. 87, no. 6, pp. 37–48 (in Russian).
28. Larichev V.E. *U istokov tvorchestva* [The Dawn of Creativity]. Novosibirsk: Nauka, 1978, pp. 32–69 (in Russian).
29. Larichev V.E. *Zveri v kamne. Pervobytnoe iskusstvo* [Animals in Stone. Prehistoric Art]. Novosibirsk: Nauka, 1980, pp. 159–198 (in Russian).
30. Larichev V.E. *Sotvorenie Vselejnoj: Solntse, Luna i Nebesnyj drakon* [Creation of the Universe: The Sun, Moon and Celestial Dragon]. Novosibirsk: Nauka, 1993, 287 p. (in Russian).
31. Lbova L.V., Pankina A.I. *Iskusstvo Evrazii* [Art of Eurasia]. 2018, no. 4, pp. 12–26 (in Russian).
32. Lbova L.V. *Paleoliticheskie kul'tury Zabajkal'ya i Mongolii (novye pamyatniki, metody, gipotezy)* [Paleolithic Cultures of Transbaikalia and Mongolia (new sites, methods, hypotheses)]. Ed. L.V. Lbova. Novosibirsk: Izd-vo IAEHT, 2005, 151 p. (in Russian).
33. Lbova L.V. *Universum Humanitarium*. 2016, no. 1 (2), pp. 37–50 (in Russian).
34. Lbova L.V. et al. *Vestnik NGU. Seriya: Istorija, filologiya* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series: History, Philology]. 2014, vol. 13, no. 5: *Arkheologiya i ehntografiya*, pp. 91–100 (in Russian).
35. Lbova L.V. et al. *Problemy arkhologii, ehntografii, antropologii Sibiri i sopredel'nykh territorij* [Issues of Archeology, Ethnography and Anthropology of Siberia and Neighboring Territories]. Novosibirsk: Izd-vo In-ta arkhologii i ehntografii SO RAN, 2015, vol. XXI, pp. 103–106 (in Russian).
36. Lbova L.V. et al. *Arkheologiya, ehntografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2017, no. 3 (45), pp. 48–55 (in Russian).
37. Lev S.Yu., Amirkhanov Kh.A. *Arkheologiya, ehntografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2002, no. 3 (11), pp. 22–31 (in Russian).
38. Morozova P.A. *Lyod i Sneg* [Ice and Snow]. 2014, no. 54 (1), pp. 113–124 (in Russian).
39. Okladnikov A.P. *Soobshheniya Gosudarstvennoj Akademii istorii material'noj kul'tury* [Reports of the State Academy of the History of Material Culture]. 1932, no. 3/4, pp. 66–70 (in Russian).
40. Okladnikov A.P. *Kratkie soobshheniya Instituta arkhologii* [Brief Reports of the Institute of Archeology]. 1940, vol. 5, pp. 59–61 (in Russian).
41. Okladnikov A.P. *Utro iskusstva* [The Morning of Art]. Leningrad: Iskusstvo, 1967, 135 p. (in Russian).
42. Pakhunov S.A., Lev S.Yu. *Kratkie soobshheniya Instituta arkhologii* [Brief Reports of the Institute of Archeology]. 2015, vol. 241, pp. 20–27 (in Russian).
43. Serebryannyj L.R. *Priroda* [Nature]. 1967, no. 3, pp. 53–60 (in Russian).
44. Sinitsyn A.A. *Verkhnij paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkhologicheskogo sobraniya MAE RAN* [Upper Paleolithic: Images, Symbols, Signs. Catalogue of the Pieces of Minor Arts and Unique Findings of the Upper Paleolithic from Archeological Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography]. Ed. G.A. Khlopachev. St. Petersburg: Ekstraprint, 2016, pp. 320–337 (in Russian).
45. Tashak V.I. *Vestnik Buryatskogo universiteta* [Bulletin of Buryat University]. 2011, no. 8, pp. 215–220 (in Russian).
46. Tashak V.I. *Aktual'nye problemy arkhologii Sibiri i Dal'nego Vostoka: Sbornik nauchnykh statej* [Modern Issues of Archeology of Siberia and the Far East: Collection of Academic Papers]. Ussuriysk, 2011, pp. 130–141 (in Russian).
47. Tashak V.I. *Istorija i kul'tura Vostoka Azii: Materialy mezhdunar. nauch. konf.* [History and Culture of the East of Asia: Proc. of International Science Conference]. Novosibirsk: Izd-vo IAEHT SO RAN, 2002, vol. 2, pp. 159–164 (in Russian).
48. Tashak V.I. *STRATUM plus. Arkheologiya i kul'turnaya antropologiya* [STRATUM plus Archeology and Cultural Anthropology]. 2014, no. 1, pp. 149–264 (in Russian).
49. Trusov A.V., Zhitenev V.S. *Chelovek, adaptatsiya, kul'tura* [Man, Adaptation, Culture]. Moscow-Tula: Institut arkhologii RAN, 2008, pp. 427–434 (in Russian).
50. Khlopachev G.A. *Verkhnij paleolit: obrazy, simvoly, znaki. Katalog predmetov iskusstva malykh form i unikal'nykh nakhodok verkhnego paleolita iz arkhologicheskogo sobraniya MAE RAN* [Upper Paleolithic:

Images, Symbols, Signs. Catalogue of the Pieces of Minor Arts and Unique Findings of the Upper Paleolithic from Archeological Collection of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography]. Ed. G.A. Khlopachev. St. Petersburg: Ekstraprint, 2016, pp. 48–65 (in Russian).

51. Shmidt I.V. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2008, no. 1 (33), pp. 109–114 (in Russian).

52. Shmidt I.V. *Arkheologiya, etnografiya i antropologiya Evrazii* [Archeology, Ethnography and Anthropology of Eurasia]. 2010, no. 3 (43), pp. 109–114 (in Russian).

53. Shmidt I.V. *Arkheologiya, etnografiya, paleoekologiya Severnoj Evrazii: problemy, poisk, otkrytiya: Materialy LI RAEHSK* [Archeology, Ethnography, Paleo-Ecology of Northern Eurasia: Issues, Search, Revelations: Proc. of LI RAESK]. Krasnoyarsk: Izd-vo KGPU, 2011, pp. 9–11 (in Russian).

54. Fu Q. et al. Genome sequence of a 45,000-year-old modern human from western Siberia. *Nature*. 2014, no. 514, pp. 445–449.

55. Grigor'ev G.P. The Kostenki-Avdeevoo Archaeological Culture and the Willendorf-Pavlov-Kostenki-Avdeevoo Cultural Unity. *From Kostenki to Clovis: Upper Paleolithic-Paleo-Indian Adaptations*. Ed. by Olga Soffer and N.D. Praslov. New York: Plenum Press, 1993, pp. 51–65.

56. Jacobs Z. et al. Timing of archaic hominin occupation of Denisova Cave in southern Siberia. *Nature*. 2019, no. 565, pp. 594–599.

57. Krause J. et al. The complete mitochondrial DNA genome of an unknown hominin from southern Siberia. *Nature*. 2010, no. 464, pp. 894–897.

58. Kuzmin Y.V. et al. AMS 14C age of the Upper Paleolithic Skeletons from Sungir site, Central Russian Plain. *Nuclear Instruments and Methods in Physics Research. Sect. B*. 2004, vol. 223–224, pp. 731–734.

59. Mafessoni F. et al. A high-coverage Neandertal genome from Chagyrskaya Cave. *PNAS*. 2020, vol. 117, no. 26, pp. 15132–15136.

60. Meyer M. et al. A high-coverage genome sequence from an archaic Denisovan individual. *Science*. 2012, no. 338, pp. 222–226.

61. Marom A. et al. Single amino acid radiocarbon dating of Upper Palaeolithic modern humans. *PNAS*. 2012, vol. 109, pp. 6878–6881.

62. Nalawade-Chavan Sh. et al. New Hydroxyproline Radiocarbon Dates from Sungir, Russia, Confirm Early Mid Upper Palaeolithic Burials in Eurasia. *PLoS ONE*. 2014, vol. 9 (1), p. e76896.

63. Raghavan M. et al. Upper Palaeolithic Siberian genome reveals dual ancestry of Native Americans. *Nature*. 2014, no. 505, pp. 87–91.

64. Reich D. et al. Genetic history of an archaic hominin group from Denisova Cave in Siberia. *Nature*. 2010, vol. 468, pp. 1053–1060.

65. Seguin-Orlando A. et al. Genomic structure in Europeans dating back at least 36,200 years. *Science*. 2014, vol. 346, pp. 1113–1118.

66. Sikora M. et al. The population history of northeastern Siberia since the Pleistocene. *Nature*. 2019, vol. 570, pp. 182–190.

67. Slon V. et al. The genome of the offspring of a Neanderthal mother and a Denisovan father. *Nature*. 2018, no. 561, pp. 113–116.

68. Zhitenev V.S. Personal ornaments and decorated objects from the Early Upper Paleolithic site of Sungir. The Sungirian and Streltskian in the Context of the Eastern European Early Upper Paleolithic. Acts of the Conference of the UISPP Commission 8 in Saint-Petersbourg. *Etudes et Recherches Archéologiques de l'Université de Liège*. Liège, 2017, pp. 73–84.

*Submitted for publication: August 10, 2020.
Accepted for publication: September 29, 2020.
Published: December 24, 2020.*